

Тема уничтожения подлинного образования в России, которую на страницах «Юности» затронул выдающийся ученый Олег Иванович Федотов,

вызвала отклики у многих наших читателей. Вот лишь некоторые из них.

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ О. И. ФЕДОТОВА «УЧЕНОГО УЧИТЬ — ТОЛЬКО ПОРТИТЬ! (В ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА ОБ ОСКОПЛЕНИИ НАУКИ)»

Классификационная система Scopus включает 24 тематических раздела, охватывая в том числе и гуманитарные науки. Гуманитарные науки, включающие филологию, лингвистику и литературоведение, учат нас самопознанию и самосозиданию человека и человечества, то есть пониманию других культур и эпох. Включать в базу данных международной системы Scopus российские издания не то чтобы престижно, а необходимо, именно для того, чтобы развеивать русофобские мифы, обращаясь к интеллектуалам народов мира — ученым гуманитарных наук; важно донести до них смысл российских публикаций хотя бы в кратком описании содержания на английском языке. Заинтересованный читатель сделает перевод с русского на подходящий для него язык, а в особо исключительных случаях и изучит русский язык, как это случается со священниками православной церкви Америки и Канады, с трепетом относящимися к православной России. Разумеется, в настоящее время, время международных конференций, более или менее открытых границ общения с коллегами разных стран, важно иметь скопусовские публикации, тем более что их количество учитывается при переаттестации, присуждении научных степеней и т. п. Печально, если существует неравная конкуренция с западными коллегами при регистрировании статьи или книги в «Скопусе». Если дело только в адекватном переводе на английский язык краткого содержания работы, то это не такая уж грозная проблема для тех же реформаторов-чиновников: уж

кто-кто, а чиновник, заимствующий у соседей принципы классификации, должен знать английский язык. Помнится, в советское время в научно-технических отделах институтов была должность переводчика.

Совершенно прав О. И. Федотов в том, что для гуманитариев, печатающихся в родных престижных русскоязычных периодических изданиях, крайне важно, чтобы «Русская литература», и «Русский фольклор», и «Вопросы литературы», и «Известия РАН. Серия языка и литературы» имели высокий статус Scopus или Web of Science. И этого тоже должны добиваться именно самого высокого ранга чиновники в ансамбле с учеными.

О. И. Федотов затрагивает наболевшую тему «произвола» чиновников на местах, когда, оказывается, каждый шаг преподавателя гуманитарного учебного заведения должен быть регламентирован и подтвержден нужной инструкцией со ссылками на стандарты. Один наш знакомый доцент в музыкально-образовательном институте признавался, что если бы не помощь домашних по заполнению в компьютере «компетенций», его, специалиста в своем деле, просто бы уволили с работы.

Остается только уповать на благоразумие высокого уровня организаторов и реформаторов научных гуманитарных учреждений в деле достижения плодотворного консенсуса с учеными-гуманитариями, недовольными гнетом бюрократии, отвлекающей их от исследований в собственно их профессиональной области.

С. И. Передереева, к. х. н.

Поддерживаю патриотический пафос статьи
О. И. Федотова!

С. А. Матяш, профессор, доктор фил. наук, Оренбургский государственный университет

ВСЕ ПОНИМАЮТ УЩЕРБНОСТЬ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

...Статьи я с живым интересом прочитала, подобные чувства испытываю тоже. Что касается коллег, то все понимают ущербность политики в области образования, но предпочитают об этом не говорить — может, по причине невозможности что-либо изменить, а скорее по причине годами сформировавшейся пассивности. Ведь нужно как-то устоять в условиях нововведений, а то можно и

места лишиться. Выискала, например, директор школы где-то в Трудовом кодексе статью о том, что можно уволить работника из-за «потери доверия». И ведь считает себя «государственным служащим», о чем не раз говорила.

Хочется, чтобы внутреннюю политику определяли не чиновники, а настоящие граждане нашей страны.

С уважением, Светлана

ОДНА МЕГАИДЕЯ И ДВЕ АНТИНОМИИ

ПЬЕСА-СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА С ЭЛЕМЕНТАМИ ТЕАТРА АБСУРДА

П р е д с е д а т е л ь. Всем привет! Начинаем наш мозговой штурм ученой степени! Так... кинооператор здесь, переводчик с птичьего научного языка здесь, соискатель здесь, Мандельштам здесь... Я хочу сказать... *(тычет пальцами в лиловые тома диссертации)*. Здесь!

С е к р е т а р ь. Не все члены совета соизволили...

П р е д с е д а т е л ь. Что такое?

С е к р е т а р ь. Пятый член стоит в пробке на Ленинском проспекте, седьмой член застрял в пробке в буфете. Двадцать первый член проводит рубежную аттестацию и межсезонную дезактивацию личного состава. Двадцать второй член заблудился между третьим и четвертым стандартами образования.

П р е д с е д а т е л ь. Ничего страшного. Вмонтируем их потом в начало кино. Слово секретарю!

С е к р е т а р ь. Уважаемые члены! Тема у вас на руках. Соискатель — вот он, вы его все знаете. Прошел аспирантуру, экзамены сдал, диссертацию написал, кровь из пальца дал, мочу сдал.

П р е д с е д а т е л ь. При чем тут моча?

С е к р е т а р ь. Согласно новому положению ВАК, без мочи соискатель не допускается до защиты.

Т р и н а д ц а т ы й ч л е н. Я слышал, скоро и членов совета заставлять будут...

В х о д и т д е к а н.

П р е д с е д а т е л ь. Лезьте сюда, под камеру. Пусть думают, что вы здесь с самого начала.

Д е к а н. Ну-ка давайте проведем диссертационную гимнастику. Руководство требует. Приготовились... Глаза туда... глаза сюда... глаза на пол... глаза на потолок... шея вверх... шея вниз... Ногой по стулу — раз... ногой по стулу — два-с! Шевелите пальцами!

С е к р е т а р ь. Мы писали, мы писали, наши пальчики устали.

Д е к а н. Очень хорошо. Думаю, руководство будет довольно. Да, кстати... Не забудьте, что после занятий каждый профессор должен проделать не меньше ста приседаний, одобренных ВАК, доцент — семьдесят пять, ассистент — двадцать. *(Уходит, ныряя под камеру)*.

П р е д с е д а т е л ь. Слово соискателю.

С о и с к а т е л ь. Дорогой председатель, любезная секретарша...

Секретарь. Лучше говорить просто: секретарь.
Соискатель. Спасибо за подсказку, госпожа секретарь. Уважаемые советские члены!

Председатель. Надо говорить: члены совета.

Соискатель. Еще раз спасибо. Дорогие хозяева, гости и совершенно посторонние люди! Разрешите огласить список моих идей... по поводу...

Председатель. Не надо списка. Давайте главное.

Соискатель. Хорошо. Тогда я оглашу мегаидею. В судьбе Мандельштама были две большие антиномии: жизнь и смерть.

Второй член. Это открытие!

Председатель. Это все?

Соискатель. В общих чертах. И да здравствует наш мудрый ВАК!

Председатель. Есть ли вопросы к соискателю?

Непонятно кто. Что вы можете сказать о судьбе сына Мандельштама, Леонида Осиповича?

Председатель. Это что еще за хмырь? Кто его привел?

Секретарь. Вы, наверное, шли на другой совет, а попали сюда?

Непонятно кто. Я шел на совет по генетике и общинно-родовым связям.

Секретарь. Генетики переехали в подвал. Там и заседают.

Непонятно кто ныряет под камеру и исчезает.

Председатель. Пусть выступит научная мама.

Научная мама. Мой подопечный изобрел одну мегаидею.

Председатель. Конкретнее.

Научная мама. Он сочинил две антиномии.

Председатель. Это уже лучше. Но вы не должны говорить о работе подзащитного, вы должны говорить о человеке.

Научная мама. Он такой хороший, хороший!

Председатель. Конкретнее!

Научная мама. Он помогает старшим. Он сам мусор выносит из избы.

Председатель. Это лучше.

Научная мама. Он хороший, хороший! *(Всхлипывает.)*

Председатель. Выведите ее в туалет. Только осторожно. Ныряйте под камеру. Не трясите штатив. А то мы все смазанными в кино получимся.

Восьмой член. А можно будет посмотреть кино?

Секретарь. Нельзя. Его засекретят и отправят в лабораторию ВАК.

Восьмой член. Зря снимались...

Одиннадцатый член. А я слышал, лучшие ваковские ленты будут представлены на кинофестивале в Каннах.

Секретарь. Размечтался...

Председатель. Порядок, соблюдайте порядок... Есть у нас ведущий отзыв внешней организации?

Секретарь. Естественно, есть. Во внешнем отзыве внешней организации с внешней стороны рассматривается внутренний мир соискателя.

Председатель. Ну и как он там, изнутри?

Секретарь. Годится.

Председатель. Кстати, а где главный оппонент?

Восьмой член. Болеет.

Председатель. А кто сегодня играет?

Восьмой член. «Челси» — «Барселона». Он болеет за «Барселону».

Входит главный оппонент.

Главный оппонент. Матч отложили: Абрамович на стадион не приехал. Разрешите выступить.

Председатель. Валяйте.

Главный оппонент. Ну, так вот, я и говорю... Написал. Открыл. Подытожил. Однако, при всех достоинствах работы, в ней есть несомненные недостатки. Какие ж у Мандельштама антиномии? Слепому видно: дихотомия!

Председатель. Соискатель, ответьте главному.

Соискатель. Помилуйте! Да о чем там речь? Ну, антиномии, ну, дихотомия... Я все учту при своей дальнейшей работе.

Входит проректор по научной работе. Ныряет под камеру.

Председатель. Шея назад! Шея вперед! Нога туда! Нога сюда! Глаза вовнутрь, глаза навывкат!

Секретарь. Мы писали, мы писали...

Проректор. Диссертационная гимнастика? Похвально. Но я не за этим. Новое распоряжение руководства. С сегодняшнего дня на защиту будут допускаться только те члены совета, которые имеют ваковские публикации. Не меньше двенадцати за месяц.

Тринадцатый член. А у кого нет столько?

Проректор. Таких недостойных и несоответствующих ВАК не будет допускать до банкета. *(Ныряет под камеру. Уходит.)*

Одиннадцатый член. Надо будет с собой приносить.

Тринадцатый член. Или — в себе...

Появляется за в. аспирантурой. Проползает под камерой.

Зав. аспирантурой. В соответствии с решением руководства защита диссертаций отныне переводится на рейтингово-балльную систему.

Секретарь. Сколько будут выделять кредитов?

Зав. аспирантурой. Пять на докторскую, полтора на кандидатскую. Единогласная защита — сто баллов, один против — девяносто, два против — семьдесят и т. д.

Тринадцатый член. А если кто воздержался?

Зав. аспирантурой. Того, кто испортит бюллетень, будут поить испорченной водкой. *(Уползает под камеру.)*

Председатель. Ну чего там, ладно, разберемся. Молодого оппонента из буфета привели? Говорить может? Сколько ему лет? Двадцать пять? Не иначе как на птичьем языке изъясняться будет. Где у нас переводчик с птичьего научного языка?

Молодой оппонент перепрыгивает через камеру и заглядывает в навороченный экранчик.

Молодой оппонент. При чем тут антиномии? Понимая чисто языковую выразительность... как форму организации ритма... высокое ожидание, примерно равное 0,17, среднее — 0,06 и низкое — менее 0,1...

Научная мама. Он хороший, хороший... *(Выдает.)*

Председатель. Она все еще здесь? Дайте ей почитать положительную характеристику на соискателя!

Научная мама. У него доброе нутро. *(Затихает.)*

Председатель *(молодому оппоненту.)* Продолжайте.

Молодой оппонент. А вы не очень-то здесь! Меня в высшей школе поэзии ждут! Так вот, о чем, бишь, я? Ах да! Таким образом, выразительность достигается за счет контраста внутри группы одного ожидания.

Председатель. Ближе к теме, пожалуйста.

Молодой оппонент. Да чего уж там? Сверхслабое воздействие сигналов, получаемых при автоматическом разложении реального объекта восприятия на ряды однородности по известным читателю категориям...

Председатель. У вас все?

Молодой оппонент. Почти что. Куда ж без интертекстуальных связей... Мандельштам... Ахматова... дифференциальный признак во многом отождествляе-

мых объектов... ну или как фактор, соотносящий лексический повтор с другими узлами... соискателю нужно подработать... Да, и самое скверное: у него напрочь отсутствует когнитивный дискурс!

Двадцатый член. Безобразие! Куда смотрела экспертная комиссия?

Второй член. Я отменяю свой тезис об открытии!

Председатель. Тихо, тихо! Слово переводчику с птичьего научного языка.

Переводчик с птичьего. Да все и так понятно. Молодой оппонент хотел сказать, что диссертацию следовало бы отнести к недостаткам соискателя, однако его грубейшие промахи отнюдь не снижают научную ценность работы.

Второй член. Ну ладно уж. Открытие — так открытие...

Входит проректор по учебной работе. Просачивается между стеной и кинокамерой.

Председатель. Плечи — вместе, глаза — врозь. Рукой по затылку — бац!

Одиннадцатый член. И легкой ножкой ножку бьет...

Проректор по учебной работе *(глядя на собравшихся)*. Так... почему не на занятиях?

Секретарь. Видите ли, у нас... это... диссертационный совет.

Проректор. Ничего не знаю. Все должны сидеть в аудиториях со студентами.

Тринадцатый член. А кто уже отсидел?

Проректор. Идите на рынок. У нас — рыночная экономика. Зарабатывайте деньги для университета. Напоминаю: каждый профессор должен изготовить и продать семь глиняных петушков-свистулек, каждый доцент — пять, старший преподаватель — два, ассистент — одного. *(Уходит, крутанув камеру.)*

Председатель. Кто хотел бы выступить?

Восьмой член. Соискатель употребил слишком мало ваковских слов.

Соискатель. Да здравствует наш мудрый ВАК, самый справедливый ВАК на всем постсоветском пространстве!

Восьмой член. Все равно маловато...

Научная мама. Он хороший, хороший!

Председатель. Кто еще хотел бы?

Пятый член. Вечереет...

Седьмой член. Я вот тут перечитал Мандельштама, так, знаете, здорово! И соискатель такое нашел... И так обнял... необъемное...

Председатель. Кто еще?

Пятый член. Темнеет...

Одиннадцатый член. А я вот, не поверите ли, был в Воронеже... так там стоит...

Пятый член. Ночь уже...

Второй член. А кто у нас в следующий раз — Ахматова или Гумилев?

Председатель. Кстати, у нас следующая защита по рекламе, в смысле, журналистике.

Второй член. А конкретнее?

Председатель. Реклама нижнего белья. С филологическим уклоном.

Секретарь. В гендерном аспекте!

Тринадцатый член. Я требую продолжения защиты!

Пятый член. Светает...

Соискатель Ну, мы тут, приглашаем...

Переводчик с птичьего. Айда на симпозиум!

Председатель. Погодите, погодите, а кто будет считать баллорейтинги?

Тринадцатый член. Погнали в кафе «Галлюцинация», там и сосчитаем!

Научная мама. Он хороший, хороший!

Входит министр образования и науки. Прячет лицо от кинокамеры.

Министр. Ничего хорошего! Диссертации отменяются. Науки больше не будет. Образования — тоже. Всем — сдавать нормы ГТО. Бегом — марш!

Члены совета стремительно бегут к выходу, сметая на своем пути оператора со штативом, министра и кинокамеру.

Занавес.

Сергей Пинаев, профессор РУДН (Москва)